

Троя—Стамбул—Анкара

Все 37 дней моего пребывания в Турции меня не оставляло ощущение, что наша бригада в целом и каждый из нас в отдельности осуществляет совершенно конкретную культурно-историческую миссию. Во времена царей и султанов Россия и Турция обменивались только дипломатами, военными атташе; да еще время от времени родовитые сановники императорского Петербурга тешили глаза своих друзей диковинными экзотическими подарками, которые они привозили «с берегов Босфора», «из-под врат Царьграда».

Теперь в дружественную Турецкую республику направилась делегация одного из крупнейших советских театров.

Я впервые посетил зарубежный Восток. Вполне естественно то, особо приподнятое, взволнованное состояние ожидания, с которым я сел на пароход. Но действительность превзошла мои мечты.

Не доезжая Стамбула, мы остановились в Дарданеллах и, отъехав на автомобилях 30 километров в сторону от побережья, посетили раскопки древней Трои. Это — археологическая

концессия Америки. Но преобразователь новой Турции г-н президент Кемаль Ататюрк не разрешает уже больше расхищать страну оплом и в розницу. Все ценности, обнаруженные этой археологической экспедицией, должны остаться в пределах Турции, в ее исторических музеях.

Перед нами возникали стройные колонны, покрытые «мохом тысячелетий», каменные пороги сооружений, вырисовывались контуры отдельных улиц этого полусказочного города, эпопея о разрушении которого запечатлелась навеки в памяти человечества.

Но вот Стамбул. О колоритности, о многообразной пестроты и красочности этого города несли поэты, писали романы и очерки. Но я не хочу вдаваться в туристические описания. Мы посетили Галату и Пару, Скутари и новый город на правом европейском берегу залива; мы бродили по тенистым прохладным анфиладам Ильдым-Кюска и Дольма-Бахче, мы радовались и изумлялись стройности многочисленных минаретов, живописнейшим улицам. Моментами нам казалось, что мы встречаемся с Дон-Базиллио и его ближайшими друзьями, что мимо нас мчатся с каким-то необычным поручением живой Фигаро. Чисто оперная внешность отдельных представителей отмирающих профессий в Стамбуле необычайно экзотична. Но вся эта экзотическая мишура не отвлекала нашего внимания ни на одну минуту от лица современной Турции.

Анкара — это живое воплощение достижений Турции после ее национальной революции. С одной стороны, узкие улочки — пустынные, сырые, порою грязные, дышащие янтарем; с другой — расплавленные по-еврейски кварталы новой столицы, на улицах которой высятся новые европейской архитектуры дома.

По дороге из Иамира в Пергаму мы в одной деревне слушали странствующего певца. Этот старик пел с особой трогательной задушевностью старинную песню о разлуке девушки с любимым и новую песню, сложенную уже в деревнях республиканской Турции. В этой песне говорится о надеждах народа, прошедшего сквозь грозную бурю войны и разлуки к лучшей свободной жизни. Закрыв глаза и мерно раскачиваясь, он исполнял строфу за строфой, а нам казалось, что мы приобретаем к источникам совершенно неизвестного нам, но в то же время близкого нашему сознанию народного искусства.